

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ

Екатерина Николаевна Амосова

Любимая и долгожданная дочь Николая Михайловича Амосова. Родилась в 1956 г. В возрасте 15 лет экстерном окончила среднюю школу и поступила в Киевский медицинский институт. В 2014 г. избрана ректором этого института (Национальный медицинский университет им. А.А.Богомольца). Ученый, кардиолог, доктор медицинских наук, профессор, педагог. Член-корреспондент АМН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Государственной премии Украины, заслуженный врач Украины. Воспоминания подготовлены по публикациям Натальи Строчковской, Михаила Назаренко, Ирины Дубской, Ольги Унгурян, Екатерины Фонтаний, Виолетты Киртоки в периодических изданиях: "Сегодня", "Бульвар", "Факты", "Новая".

Отец был редкой личностью. И знаете, я отравлена тем, что выросла рядом с таким человеком. Он для меня эталон, и я вольно или невольно всех с ним сравниваю. И себя тоже. Стараюсь, как и папа, относиться к себе самокритично...

Я была поздним ребенком. У мамы возникали проблемы в последние месяцы беременности. По той же причине и второго ребенка быть не могло.

Она доносила меня до семи месяцев. Начались преждевременные роды. И по правилам акушерства нужно было делать рискованную для ее жизни операцию — кесарево сечение. Мама пошла на это... Я родилась с весом 1 килограмм 700 граммов. Сегодня недоношенных хорошо выхаживают, а тогда, почти 50 лет назад, это было значительно сложнее. Но меня выхаживали. Сейчас вот говорю и задумываюсь: наверное, я выказываю недостаточно благодарности своей маме. Всю жизнь она прожила в тени отца. Но это естественно: рядом с таким человеком любой был бы в тени.

У мамы был твердый характер. Когда началась война, она была студенткой. Пошла на курсы медсестер, затем — добровольцем на фронт. Ей чудом удалось выйти из окружения, в одном госпитале судьба свела ее с моим отцом. Он был хирургом, она — операционной сестрой. Отец, русский, никогда не думал, что будет жить в Украине! А мама, Денисенко Лидия Васильевна, украинка, родом из Днепропетровской области. Вместе они прожили 59 лет. Торжественных дат своих никогда не отмечали. У папы не было обручального кольца, а у мамы оно появилось, уже когда я была взрослой! Кольцо — это деталь. У людей того поколения вообще не было никакого вещизма!

Отец вырос в бедности. В одной из своих книг он вспоминал, что в школьные годы сахар-рафинад пилил на кусочки, чтобы его хватило на 30 дней. И никогда не позволял себе съесть два кусочка в один день. Поэтому, даже начав зарабатывать, папа жил очень скромно и откладывал деньги на старость. Когда в 90-е годы прошлого века "сгорели" все их сбережения, отнеслись к этому спокойно. Как люди, испытавшие в жизни голод и лишения. Было время, когда они жили в такой маленькой комнате, что, как рассказывала мама, она спала на кровати, а папа - на полу...

Мне было лет десять, когда у нас дома появилась "парадная" полированная мебель в гостиной. С обивкой немыслимого ярко-зеленого цвета, ну просто "вырви глаз"! Мама как-то достала ее по случаю — никаких "блатов" в нашей семье не было. Папа все подсмеивался по поводу этой мебели. Но она простояла в доме до его смерти.

В кабинете он переделал на свой лад письменный стол (стол и сейчас "живет" на нашей даче). Смастерил подвесную лампу на распорке - чтобы регулировать освещение. Настелил "ковролин" — покрытие из ковровых дорожек. Получилось добротно, конструктивно, но не более того. Он знал реальную цену вещам. В том смысле, что это просто... вещи.

Они с мамой на такси не ездили. У них в квартире стояла, скажем, очень скромная, по нынешним меркам, мебель. Но внешняя сторона жизни отца не интересовала. Мне было лет 13, когда он продал машину "Волгу" и сказал, что частная собственность его не интересует. С большим трудом мама убедила отца купить дачу, от которой он потом лет десять получал удовольствие. Родители там по полгода жили. Папа своими руками скамейки сделал, разные приспособления, лампу... Старался, чтобы было удобно и функционально. Но со стороны это выглядело, наверное, странно: все на шарнирчиках, на проволочках, лейкопластырем прикручено...

Отец планировал, что в старости ему нужны будут деньги, чтобы не зависеть ни от меня, ни от государства. А когда старость пришла, все его сбережения на сберкнижке сгорели полностью. Как он после этого начал экономно жить — отдельная история. Когда понадобился кардиостимулятор, ему его подарила фирма. Операцию в Германии оплатили из городского бюджета. Он всегда смеялся над подарками и говорил, чтобы ему ничего не носили. Потому что это лишний хлам. Последние годы я даже не старалась что-либо придумывать. Главное не это. Важно было прийти, поговорить, поздравить. Единственный подарок, который ему понравился, и он им пользовался, — пушистый мягкий плед, который я купила в 1983 году в Москве. Отец не заикливался на материальных благах, но мог порадоваться какой-то новой технике, удобному креслу, художественным альбомам...

Каким он был отцом? — Очень хорошим, я это могу оценить сейчас, когда имею свою дочь. При всей своей занятости он всегда находил для меня время. И душу. Брал меня с собой в поездки. В Москве мы ходили на лучшие спектакли Театра Вахтангова, Таганки, Моссовета, "Современника"... Кому-то папа мог показаться сухим, многим запомнилось, что он ругался на операциях. Но прежде всего он требовательно относился к себе. Был тонко чувствующим, чувствительным, ранимым...

Когда появилась Аня, мои родители, конечно, были счастливы. Правда, папа не стал от этого сентиментальным. Он считал: любовь любовью, но уважение ребенок должен заслужить. Так воспитывали и меня. Когда я разбирала отцовский архив, нашла сложенные в две отдельные папки детские рисунки, самодельные открытки — мои и Анины. Отец их хранил. Меня это очень тронуло.

Для меня он был не просто папой, а Личностью! Я это осознавала с раннего детства. И всегда знала, что он меня глубоко любит, но и я, и мама занимали в его

жизни второе место. На первом была работа. Мы это понимали, принимали и считали правильным. И, конечно же, гордились им.

Отец дарил мне свои утренние, самые продуктивные, часы, а это дорогого стоило. Читал вслух книги, потихоньку побуждая, чтобы и я научилась читать. Первые мои книжки — это "Рассказы о животных" Сетон-Томпсона и "Маугли" Киплинга. Английскому языку мы учились вместе. Мне было лет десять, когда папе из-за "железного занавеса" пришло приглашение выступить с докладом в США на Национальной конференции по кибернетике. Помню, как наша с ним учительница английского переводила его 40-минутный доклад. И папа выучил текст, тренируясь при мне. Одной из методик учительницы было заучивание наизусть большого количества прозы в оригинале. Так что когда отец стал "выездным", он на свои командировочные десять долларов покупал мне книжки. Сначала детские, с иллюстрациями. Потом взрослые, в потертой обложке — их продавали в букинистических магазинах на килограммы(!), и стоили они копейки. Уже после развала СССР, когда начали массово переводить и печатать иностранную прозу, я обнаружила, что многие книги давным-давно читала, причем в оригинале.

Училась я в школе хорошо, но мне было скучно заниматься. Я была не очень общительным ребенком, не принадлежала ни к какой компании и, в общем-то, от этого страдала. Тогда, если помните, дети-вундеркинды — будущие математики, пианисты — сдавали школьные экзамены экстерном и поступали в университеты, консерватории в 12-13 лет. Папа не побуждал: мол, давай и ты. Он только заронил во мне эту идею, а решение приняла я сама — пройти за год три класса.

Я могла и восемь часов в день прозаниматься. Но мы с папой обсуждали, что более шести часов умственно работать непродуктивно. Потому что если сегодня перегрузишься, то завтра голова будет работать хуже. И КПД (коэффициент полезного действия) за два дня будет небольшой. Папа был сторонником разумного подхода. Никакой штурмовщины ночами! Помимо школьной программы, я полгода готовила с репетиторами физику, химию, биологию для поступления в мединститут. Сдала их на отлично. А вот трехлетнюю программу по алгебре и геометрии прошла без преподавателей, получила четверки. И окончила школу без золотой медали. Ни о какой передаче экзаменов и речи быть не могло. Это исключалось. Папа абсолютно не признавал блата. Он мне говорил: "Если ты знаешь на пять, то всегда можешь получить четыре". Я этими честными четверками, может быть, горжусь больше, чем пятеркой по физике, в которой у меня голова совершенно не варит. Физика мне давалась с колоссальным трудом, и брала я ее исключительно зубрежкой.

Он любил повторять фразу из "Мастера и Маргариты" Булгакова: "Никогда ничего не просите!.. Сами придут и сами все дадут!". Он жил по этой фразе. И ужасно переживал, когда ситуация складывалась так, что вынуждала его к обратному.

На шестом курсе мне было 22. Мой муж — Владимир Мишалов (профессор, заведующий кафедрой хирургии нашего мединститута. Последние пять лет мы работаем в одной больнице). Он старше меня на год. Родители два года снимали нам с мужем квартиру. И было такое положение, что академики для своих детей

имели право на кооператив. Папа обратился к мэру Киева. Но тот ему отказал. Больше его папа не просил. Фамилию его не помню. Этого мэра сменил другой, и папа "наступил себе на горло" — обратился к новой власти, только тогда квартирный вопрос был решен положительно.

Машину он продал, когда я была еще ребенком. А нам с мужем, конечно, хотелось иметь свою, сами знаете, что творилось с ними тогда. У папы были возможности как у депутата Верховного Совета СССР, и он пошел на одну встречу с просьбой. Для него это был совершеннейший героизм: ему не хотелось просить кого бы то ни было.

Так же и в быту. Лишний раз он не просил пуговицу пришить, делал это сам. Из-за бессонницы рано вставал, но не беспокоил маму, чтобы она готовила ему завтрак. Относился к другим бережно.

К еде он относился очень просто. Не был гурманом. Следовал известной фразе: "Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть". Никогда не увлекался какими-то диетами. Просто по минимуму употреблял животные жиры, налегая на молочные продукты, овощи и фрукты. Был дисциплинированным человеком и понимал, что вкусная пища в основном вредна, а полезно то, что невкусно. И впахивал в себя невкусную еду. Последние годы у него аппетит был плохой, он заставлял себя принимать пищу. Худел, потому что шел распад белков. По поводу выпивки отец пишет в своих книгах, что переносил алкоголь плохо, пока его друг — писатель Юрий Дольд-Михайлик — не научил его пить коньяк. Отец признавал, что умеренное употребление алкоголя доставляло ему удовольствие, улучшало настроение. Он и к этому подходил рассудочно. Все у него было гармонично, без крайностей. Сухое красное вино вообще полезно, по науке. Периодически он выпивал в компании и получал от этого удовольствие. Папа не был сухарем, который жил по какой-то строгой схеме. Однако никогда не курил.

У папы всю жизнь была бессонница. Он пользовался снотворными. Но все равно его "поднимало" в пять утра. К отдыху относился очень рационально. Говорил, что в сутки человек может продуктивно работать лишь шесть часов. А еще, что нужно обязательно иметь как минимум один выходной в неделю, на который не строить никаких планов.

При всей любви отца его отношение ко мне было в разные периоды разным. После его смерти мы с мамой нашли дневники, которые он вел. Писал их нерегулярно, без лишней информации, как человек разумный, понимая, что когда-нибудь их прочитают другие. Так вот, я узнала о себе, что в мои студенческие годы он оценивал меня достаточно критично. Считал, к примеру, что у меня нет широты интересов.

Я поступала в институт в 15 лет. В этом возрасте подростки редко знают, чем хотят заниматься в жизни. Нет, отец не толкал меня во врачебную практику. Мы говорили с ним о занятиях наукой. Папа всегда отмечал, что лучше к этому прийти из мединститута. И я шла по его выбору. Потому что авторитетом он для меня был и тогда, и сейчас непререкаемым. Когда же у нас начались занятия с больными, я поняла: никаких лабораторий не будет. Врачебная профессия — совершенно потрясающая.

Докторскую диссертацию я защитила в 33 года. Папа ее прочел, когда та

была уже написана. Я получила его одобрение. Он помог мне тем, что был такой фигурой в этом мире. Часть больных я обследовала в его клинике, такую возможность имела благодаря тому, что он был директором института. Сотрудники мне помогали, потому что были его подчиненными. При этом я испытывала дискомфорт. Мне было неловко, что я занимаюсь этим, потому что дочка шефа. Хотелось сжаться, стать менее заметной. Но с больными возилась я сама. Писала сама. И защитилась сама.

У папы никогда не было слепой родительской любви. Он говорил: "Родство главное не по крови, а по духу". По духу! Так он и жил. Я всегда знала, что он меня любит, а вот уважение надо было заслужить и подтвердить. Старалась жить так, чтобы быть в его глазах уважаемым человеком. Отца нет уже больше десяти лет, а я до сих пор мысленно спрашиваю, доволен ли он мной...

Советы он, естественно, давал, но не лез с ними. Это очень редкое качество. Если я делала что-то неправильно, подавлял! Но не избыточно. Когда я растила дочку, постоянно ругал меня, что я мелочно ее опекаю. Увы, я не настолько умная, чтобы сразу соглашаться. Особенно в юности понаделала глупостей. Как сейчас помню, мы с отцом вместе собирались в круиз по Средиземному морю. У него не было особого энтузиазма, он это делал для меня. Тогда недостаточно было выбить путевку и оплатить ее. Нужно было получить безукоризненную характеристику с подписью парторга института и другие бумажки.

Потом меня пригласили на заседание бюро райкома комсомола. Задавали дурацкие вопросы типа: "В каких местах на территории нашей необъятной родины вы бывали?". Хорошо, что я с отцом ездила в Москву, в другие города, а то бы меня укорили: "Если вы нашу родину не нюхали, то зачем ехать за границу?".

Короче, я все эти этапы прошла. Поездка была на мази. И тут возникла ситуация, когда я очень поздно вернулась домой. Мама всегда очень переживала за меня, она с ума сходила. Наконец я явилась. Папа сказал: "Так, все! Ты виновата и должна быть наказана. Никуда мы не едем". Решение жесткое, но справедливое. Я поступила дурно, совершила аморальный поступок. Поэтому даже не пыталась отца просить. Для меня это был очень хороший урок.

Бывал он и не прав. Правда, случалось это очень редко. Мог вспылить. Быстро отходил и, подумав, извинялся. Но не расшаркивался передо мной. В основном-то он был прав!

Он был для меня огромным авторитетом. Мама протестовала и спорила с ним больше, но папа, как у нас это называлось, "накрывал конфоркой". Если он не видел в возражениях убеждающих аргументов, долго не выслушивал. Но иногда удавалось переубедить и его. В начале девяностых годов, мы тогда жили с родителями, один мой состоятельный пациент, разбогатевший в период инфляции, подарил мне на день рождения видеодвойку — телевизор с видеоманитофоном. Такой аппаратуры он закупил целый железнодорожный состав. Для папы это было совершенно неприемлемо — всем известно его отношение к подаркам от пациентов!.. Он начал меня порицать, дескать, аморально, да еще так дорого! А время тогда было жуткое — отрезные купоны, в магазинах пусто, а тут — такой презент. Но я его убедила: надо подарки оценивать не в абсолютных цифрах, а в относительных, что для такого бизнесмена эта видеодвойка все равно, что

коллега-врач подарил бы мне шоколадку. И он согласился! Стал смотреть этот телевизор, кстати, первый импортный в нашем доме.

Папа собрал большую библиотеку, он очень трепетно-бережно относился к книгам, никогда не загибал страниц. Но работал с ними, подчеркивая карандашом нужные места. И что меня всегда поражало: отец не проводил жизнь за чтением чужих научных произведений. Брал ровно столько, сколько нужно, отсекая "тысячи тонн словесной руды". Чужой "руды". Помню, он выписывал американский журнал "Торакальная сердечная хирургия" (во времена "железного занавеса" получать такую литературу было фантастикой). Но не считал необходимым изучать его в тиши кабинета. Читал эти научные тексты на английском языке в трамвае, по дороге на работу. А когда жил на даче в Клавдиево и ездил на работу электричкой (служебная машина встречала его только в Святошине), тоже читал. "Чтение второго сорта", как он говорил.

Когда мы жили на старой квартире, в доме мединститута — на улице Красноармейской, папа по воскресеньям отправлялся в книжный поход. Брал и меня с собой. Шли пешком по неизменному маршруту: сперва книжный магазин "Сяйво", затем — "Знания" на Крещатике. Следующий пункт — "Букинист", конечный — "Академкнига" на улице Ленина, 24. Именно в этом доме мы потом стали жить. После "великого переселения академиков" в новый дом напротив Оперного театра папе досталась эта квартира в старом доме. Он стеснялся, что она "барская" — целых четыре комнаты. Привозил очень много книг из-за границы. Хорошую литературу, классику я прочла еще в ранние школьные годы. Прочла несколько произведений на английском — это так называемая дамская литература, со страстями. Но сексуальных подробностей в ней не было. Еще я читала "Анжелику" Анн и Сержа Голон. Это было интересно, но не супер. Чувство гадливости было от книги Лимонова "Это я, Эдичка". Харьковский мальчик... Мне, кажется, он специально так писал, и это не вся его жизнь. Папа его просматривал и говорил, что читать это противно. Он был пуританином и плевался, когда видел обилие сексуальных сцен по телевизору.

Хождение в политику. Н.М.Амосов и М.А.Ульянов на
Первом съезде народных депутатов СССР. 1989 г.

Естественно, как и у всех, в семье иногда возникали разногласия. Но таких моментов у нас было совсем мало. В общем-то, нужно держать себя в руках. У Салтыкова-Щедрина есть такая фраза: "Скажите, а с генерал-губернатором вы тоже нервный?". То есть позволяете себе распусться, обругать, накричать, как это делают муж и жена дома. Мы часто отыгрываемся в семье или на подчиненных. Это распущенность. В этом плане папа тоже старался себя контролировать. В людях он не терпел лжи, мещанства, безделья, глупости.

Если ему кто-то говорил: "Николай Михайлович, у вас есть завистники, они отзываются о вас плохо", он эти разговоры пресекал сразу. Цельный человек! Главным для него было приносить пользу. Он людей не переоценивал, добреньким казаться не стремился, но остро чувствовал, что именно может обидеть человека или поставить в неловкое положение. Помню, когда я училась в младших классах, начала собирать марки. А их ведь надо было покупать! И вот когда мы с отцом шли мимо киоска по улице Красноармейской, я попросила его купить за десять рублей марки какой-то африканской страны с очень красивыми яркими рыбками. Отец их купил, а когда увидел, что рядом стоит соседская девочка из малообеспеченной семьи, сказал мне: "Это был некрасивый поступок на глазах у человека, который такую покупку сделать не может". В то время отец получал зарплату, наверное, 500 рублей, а буханка украинского хлеба стоила 20 копеек.

Знал себе цену. Но дифирамбы его раздражали, он был к ним равнодушен. Тем более что очень часто высказывали их люди, которые не разбирались в том, чем он занимался. Славословие по поводу себя пресекал. В дневниках писал, что понял для себя, как устроен мир, по каким законам живет общество. И высказывался сдержанно и реалистично. Если он знал такие вещи, то, что для него были похвалы?

Свое хождение во власть (он с 1962 по 1979 год избирался депутатом Верховного Совета СССР и был народным депутатом СССР 1989-1991 гг. — Сост.) отец воспринимал как гражданскую обязанность. Депутатский значок давал ему возможность помочь многим людям, особенно в квартирном вопросе. А о сессиях отзывался всегда, как о невероятно нудном процессе. Но понимал, что депутатский мандат, в определенной степени, — социальная защита. Это было крайне важно. В папиных дневниках есть запись начала 70-х, что его выдвигают в Академию наук, но высока вероятность провала. Следующая запись: "Выбрали! Это заслуга Евгения Патона". И пишет, что доволен — это защищает и раскрывает профессиональные возможности. В советские "застойные" времена он много выступал с публичными лекциями, в которых часто высказывал крамольные мысли о власти. Эти лекции, кстати, и сделали его известным кардиохирургом. Он гремел по всей Украине! Николай Амосов выступал не потому, что было не с кем поговорить. Его жизненное кредо было — приносить пользу людям. Как хирург он понимал — даже нелицеприятную правду нужно говорить, только так можно "вылечить" общество.

К сожалению, у нас о биокибернетической деятельности отца и сейчас мало знают. А он занимался этим очень серьезно, увлеченно. Создавал эвристические модели личности и модели общества. У него не было иллюзий относительно "построения коммунизма". Он пытался — в жестких рамках действующего строя

и с учетом природы человека — найти оптимальную модель общества, позволяющую людям стать счастливее. Увеличить, как отец говорил, коэффициент удовлетворенности жизнью.

Часто вспоминают объявление, висевшее в Институте сердечно-сосудистой хирургии, когда там работал отец: "Прошу подарков персоналу не делать, кроме цветов". А у меня в памяти — и удивительная надпись на двух маленьких автобусах под номером 12. Один ЛАЗик отправлялся с улицы Федорова, другой — с автовокзала, и маршрут на них значился такой: "Институт Амосова". Еще при жизни папы люди называли его именем институт, который он создал (то же произошло и с институтом Шалимова). Атмосфера здесь сложилась совершенно уникальная. Отец высоко поднял планку и удерживал ее. Не было ханжества, которое сейчас видишь, — когда человек приезжает на работу в скромной машине, а дорогу держит для выезда в выходные дни... Папу — директора института — возила служебная машина. С апреля по октябрь он жил с мамой на даче, полюбив этот домик в Клавдиево, в 50 километрах от Киева. Так вот, утром машина встречала его возле метро "Святошин", куда он добирался своим ходом. И туда же привозила после работы. Затем папа 45 минут ехал на электричке и еще минут 20 шел пешком к дому. Считал, что непозволительно тратить государственный бензин, утруждать водителя. А ведь он ездил в институт оперировать! В его служебных бумагах сохранились необычные бюллетени — их передала мне секретарь отца Анна Ивановна Телепова. Несколько раз в году папа устраивал анонимное анкетирование рядовых сотрудников института, оценивавших работу директора и заведующих отделениями. В анкетах было две графы — деловые и личные качества, которым выставляли "плюс" или "минус". Результаты голосования отец тщательно анализировал. Для него была очень важна эта оценка со стороны. Обратная связь! Сейчас, бывая за рубежом, видишь, как чуть ли не после каждой лекции студенты оценивают преподавателя. Но тогда, в 70-е годы, в СССР подобного просто не существовало. Это была папина идея. Он не побоялся ее реализовать — при всей своей, казалось бы, жесткости. Кстати, отец извинялся, если его "заносило" и он чувствовал, что неправ.

Свои хирургические неудачи отец переживал болезненно. За 35 лет работы в медицине я не видела ни одного человека, который бы настолько переживал, как мой отец. Это, наверное, был главный источник его несчастий. Когда он переполнялся эмоциями от смертей, он уменьшал количество операций до одной-двух в неделю и делал акцент на работу в отделе биологической кибернетики.

У папы никогда не было мануального мастерства хирурга. У него с молодости дрожали руки. Но от других кардиохирургов его отличал здравый смысл, который помогал оценить ситуацию в комплексе и принять решение — оперировать больного или нет. При этом отец всегда относился к больным так, будто они его ближайшие родственники. Да, можно лучше, чем он, оперировать. Но того "сплава", который был в папе, не было ни у кого тогда, и сейчас нет.

Почему, оставаясь в прекрасной форме, он ушел из института? Отцу было 75 лет, он понимал, что должно быть омоложение лидера. После этого он еще на протяжении нескольких лет приходил оперировать раз в неделю. В одном из своих

дневников отец писал: "Умер пациент от сепсиса (нагноение и инфекция в крови) через месяц после операции. Вины хирурга тут меньше всех, но, с другой стороны, родственники имеют полное право сказать: "Зачем старик брался?" И у меня на этот вопрос нет ответа". Вскоре он прекратил и оперировать. Я больше не встречала человека с такой нравственной планкой, как у отца. Вот почему его помнит народ Украины...

В Бога папа не верил. Но хотел поверить. Он прочитал много литературы на эту тему, что нашло отражение в его дневниках. Знакомые приносили ему увлекательные публикации из Интернета. На какое-то короткое время он склонился к тому, что есть Нечто — Бог, но буквально в следующей записи от этого отказался. Однако он не опровергал необходимость веры. Говорил, что это хорошо для морали общества, для морали людей. Но сам не мог поверить. Мешало то, что это недостаточно аргументировано научно. Такой человек, как мой отец, не мог слепо верить. Все должно быть убедительно обосновано.

Он был материалистом. Имел второе техническое образование и знал, что нельзя объяснить все в природе с точки зрения физики. А в последние годы жизни читал много о клинической смерти, спиритизме. Папе, как и всем людям, хотелось верить, что после смерти есть продолжение.

Информация — это вообще было его ключевое слово. Папа освоил компьютер, интернет. У него до последних дней не потухли глаза (как это часто бывает у старых людей). И оставалась поразительная ясность, живость мысли!

Он не очень любил ходить по компаниям, встречам. Говорил: "Информации мало, а время тратится". Когда мы с мужем заходили к родителям, отец пил с нами чай, сидел с полчаса, а потом говорил: "Вы, я вижу, уже всю информацию рассказали". И уходил к себе. Информация — это было его определяющее слово. И еще — время. Чтобы создать, скажем, модель личности, модель общества такому человеку, как он, нужно было только время — сесть, углубиться, продумать. Его интенсивная интеллектуальная внутренняя жизнь была настолько самодостаточна, что он не зависел от системы, окружения. И в этом, думаю, он был потрясающе счастливым человеком...

Будучи русским, отец скептически относился к шароварщине, процветавшей в СМИ в конце 1980-х годов. Но когда Украина стала независимой и начались попытки сплотить народ под лозунгом национального самосознания, он считал, что так и надо, что страна должна идти своим путем, а не с Россией. Он был патриотом Украины. И считал, что украинский язык необходимо внедрять во все сферы, поскольку только он может объединить нацию. При этом папа не раз говорил, что чувствует себя эмигрантом, однако уезжать из Украины уже поздно — мол, здесь суждено умереть.

После семидесяти он начал замечать признаки старости — тяжелее стало ходить, не слушались ноги. Изучив работы геронтологов, папа пришел к выводу, что с годами в организме человека распад белков преобладает над их образованием. Из-за такого перекоса тает мышечная масса. Чтобы стимулировать новообразование белков, отец начал активно заниматься физкультурой, выработав

свою методику — три тысячи движений в день. Выполнение упражнений разбивал на три этапа, что занимало три часа.

Вскоре слабость в ногах прошла. Между тем спустя какое-то время болезни взяли свое. У отца начались проблемы с сердцем. Электрокардиостимулятор у отца стоял еще с 1984 года. Раз в год он планово обследовался у себя в институте. Папа видел, что его сердце увеличивается. А я молчала, думая, что он все про себя знает. Но, став свидетелем ночного удушья отца, поняла: он умирает. С мужем решили не складывать лапки, а бороться. Оперировали папу в Германии, поскольку в нашей стране в те времена за 84-летних пациентов с такой тяжестью порока и сердечной недостаточностью никто не брался.

Папа сам мне как-то рассказывал, как его ученики стажировались в немецкой клинике и видели, что там много стариков оперируют с хорошим результатом. Мы списались с тамошними врачами, и они согласились нас принять. Оптимизма не было ни у меня, ни у отца. Но мы это не обсуждали. Собрались очень быстро.

Папа по жизни был реалистом, но реалистом со склонностью к оптимизму. Не таким, который видит подводные камни, страхи и препятствия, а реалистом, понимающим: многие обострения проходят сами и нужно просто подождать, не паниковать. Он реально понимал, что есть шанс, но четко знал и о риске. Он был измучен удушьем. И уже сам хотел, чтобы ему сделали операцию. Ему долго оформляли иностранный паспорт. А визу в Германию открыли в течение одного дня: утром отдали паспорт, днем забрали с визой. И я сразу же пошла за билетами. Знала, каким самолетом лучше лететь, потому что папин ученик Анатолий Викторович Руденко — один из лучших кардиохирургов в Украине — стажировался в этой клинике. Мне повезло: были места на самолет, который улетал на следующий день. Позвонила родителям, сказала, чтобы собирались. Предложила свою помощь. Но по голосам поняла: они хотят побыть вдвоем. Утром, когда мы с мужем и дочкой заехали за родителями, чтобы ехать в "Борисполь", у папы в руках был старорежимный, совдеповский дипломат, куда он положил пару белья, рубашку и кожаные тапочки, в которых ходил в институте. С этим мы и поехали.

У нас была договоренность, что город Киев оплатит операцию. Потому что Николай Амосов — почетный гражданин столицы. Но обещания — это одно. Нужно быть готовым ко всему. Поэтому папа снял все свои сбережения, которые копил себе на новый кардиостимулятор. У нас совершенно не было времени оформлять банковскую карточку. Да и какие карточки? 1998 год! Мы успели обменять часть суммы на чеки, остальное я взяла наличными. У нас получилось около половины стоимости операции. Думала: если деньги от города не придут, хоть часть оплатим сами.

Прилетели в Германию ночью. Папу госпитализировали. Причем сразу в реанимацию. Операцию нужно было делать срочно. В течение четырех дней ко мне каждый день вежливо подходили: "Скажите, где ваши деньги? Их уже выслали из Киева?" А я сижу с папиными деньгами и понимаю: могу ими заплатить, но тогда лишу отца всех сбережений. И тяну время. Мне объясняют: "Ваши соотечественники уже так поступали. Их оперировали, а деньги не

приходили". Чувствовала я себя тогда прескверно. Мне уже было много лет, я заведовала кафедрой, была профессором... И такое унижение. Звонила мужу, который в свою очередь дергал киевские власти. В общем, деньги пришли. И я сохранила отцовские. Так при себе и проносила — в кармане, закрытом на молнию. Боялась, что потеряю или украдут.

Как же я тогда хотела домой! Казалось, приедем в Киев, встану на колени и буду целовать асфальт. Конечно же, когда мы вернулись, я его не целовала. Но этот путь, наверное, можно сравнить с дорогой из плена...

Знаете, что удивительно? Немецкие хирурги совершенно не говорили о рисках. Они были уверены: все будет хорошо. Да, не сразу, потому что пациенту 85 лет, но относились спокойно к этой ситуации. Не квохтали, хотя послеоперационные дни были тяжелыми. Но после этого шунтирования (ему поставили искусственный клапан и два шунта в обход суженных артерий, питающих сердце) папа прожил еще два года, практически не употребляя лекарств. Спасибо профессору Кёрферу.

У папы примерно за год до смерти развился инфаркт — полноценный, крупноочаговый, но не супербольшой. Он не мог в это поверить. И сначала не хотел ложиться в больницу. Через три дня согласился, проявив доверие к нашему коллективу.

Пробыл здесь больше трех недель. Выписался в приличном состоянии. Хотя работа сердца, естественно, ухудшилась, потому что утратился какой-то процент сердечной мышцы. Он что-то скрывал, не хотел меня расстраивать. Думал не только о себе, что вообще редкость — на это 99 процентов больных вообще не способны. Пожалуйтесь — и уже легче.

Он осознавал свои проблемы. Понимал: жизнь кончается. Реально кончается. Что я ему предлагала для лечения? Приносила специальную литературу, он ее читал, и мы, обсуждая, принимали совместные решения. В таблетки не верил. Скажем так: мало верил.

Летом, видимо, случился второй инфаркт. Наверное, был еще и третий. Они были малосимптомны. Но каждый из них приводил к нарастанию сердечной недостаточности.

Еще летом была боль в боку, которую мы не могли объяснить. Без какой-либо причины повышалась температура, с ознобом. Мы с мужем думали, что, возможно, это какая-то инфекция или онкология. Но папа наотрез отказывался обследоваться. Он очень плохо себя чувствовал.

По квартире почти не ходил. Лежал недвижим. Я очень переживала. Убеждала его: "Давай посмотрим: если это инфекция, то залечим ее антибиотиками, если сердечная недостаточность, будем принимать более сильнодействующие препараты".

Полноценное интенсивное лечение дома трудно организовать. Потому что в этом процессе должны быть задействованы несколько человек. Он долго не хотел снова ложиться в больницу. Наконец я его уговорила. От "скорой" отказался. Я попросила двух своих сотрудников, чтобы они помогли снести его с лестницы, посадить в обычную машину. Была уверена, что он вернется домой. Ненадолго, но все-таки вернется.

Было три инфаркта: точно. Нарастала сердечная недостаточность, ухудшились показатели сердца. Мы успели сделать часть обследований. Кое-что прояснилось, кое-что нет.

Умер папа внезапно. Это случилось без меня, в присутствии врача реанимации Павла Григорьевича Паланга, с которым я проработала 25 лет. Он подошел к папе, тот пожаловался на боль между лопаток и попросил таблетку нитроглицерина. Наступила мгновенная остановка сердца. Тут же была начата реанимация, то есть время не было потеряно, что могло быть, если бы он лечился дома. Мои коллеги расценили, что был повторный инфаркт, и они, наверное, правы. Вскрытие не проводилось... В тот день, когда папы не стало, был такой момент: я передала санитару морга деньги, а он их... не взял. Это значит больше, чем любые награды.

К папе все относились хорошо — человеком он был кристально чистым и прожил счастливую жизнь. Ведь когда с душой относишься к окружающим, обязательно чувствуешь отдачу. Любовь, восхищение, уважение. И это чувство значительно острее, ярче, важнее, нежели ощущение денег. Ну, поменял ты одну машину на другую. Это такого драйва не дает! А вот купаться в благодарности — это поистине счастье...

2003-2012 гг.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015